

НА ВАЛЮТНОМ САМОБЕСПЕЧЕНИИ

Одним из самых заметных и спорных спектаклей последнего времени стал «Калигула» по пьесе А. Камю в Московском международном театральном центре имени М. Ермоловой. Мой собеседник — режиссер-постановщик этого спектакля **А. ЖИТИНКИН**.

— Андрей, почему после спектаклей «Снег. Недалеко от тюрьмы» Н. Климонтовича и «Роковые яйца» М. Булгакова, исследовавших проблемы XX века, такой резкий скачок в пространстве и во времени — экзистенциальная драма из римской истории?

— На самом деле никакого скачка нет, если относиться к театру как к философии времени и пространства.

— Яркая форма ваших спектаклей — дань вахтанговской традиции?

— Пожалуй, да. Десять лет назад я окончил актерский факультет Театрального училища имени Б. Щукина при Театре Вахтангова, а пять лет назад — режиссерский факультет. Хотя, наверное, никто не сможет точно сформулировать, что такое «вахтанговская традиция». Скорее всего это группа крови.

— Еще на третьем курсе вы поставили скандальный спектакль запрещенного в то время американского драматурга А. Миллера «Цена»...

— Действительно, спектакль сдавался три раза. Ведь училище — это маленький театр. Если в государственном театре спектакли тогда принимали чиновники из управления культуры, то в училище — ректорат. До В. Этуша — нынешнего ректора «Щуки» — этот пост занимала обыкновенная министерская номенклатура. Я помню, как в своем кабинете ректор с пафосом говорил мне о враждебности Миллера нашему строю, приводил его высказывания как президента ПЕН-клуба о нашем режиме. С легкой руки ректора моя фигура приобрела тогда некоторый ореол диссидентства. Это тем более смешно, если учесть, что на сегодняшний день все мои однокурсники по режиссерской группе оказались за рубежом, а я — здесь.

— Неужели весь режиссерский курс «Щуки» вашего выпуска эмигрировал?

— Это так. Двое — в Америке, один — в Канаде, еще один — в Тель-Авиве. Считается, что режиссер — профессия стучная. Нас было пятеро. Пять лет учили пять человек. И вот — результат. Видимо, щукинская театральная школа действительно соответствует международным стандартам.

— Наверное, ваш курс — не исключение. Это повальное явление великого исхода русской интеллигенции...

— Это действительно великий исход. Недавно профессор нашей школы Е. Р. Симонов, чуть не плача, сказал мне: «...У меня полстудии учеников оказалось за границей». На что я ответил: «Радуйтесь, Евгений Рубенович, они напишут о вас мемуары на разных языках». А осенью я получил открытку от своего однокурсника Саши Тихого из Сан-Франциско. Крутой авангардист Саша Тихий, шокировавший Москву спектаклем «Школарусского самозванства» (да-да, все одним словом), в котором двадцать минут на сцене обмывали труп голого мужчины и разбивали молотком пакет молока, окатывая зрителей первых рядов, зарабатывает на жизнь в Америке тем, что преподает... систему Станиславского. Когда из конверта выпала программка «Мастер-класс Саши Тихого», я чуть в обморок не упал. Вы правильно отметили, что исход — повальный. Посмотрите, режиссеры В. Мирзоев, Е. Арье, А. Адашинский, более маститый — М. Козаков и Монблан «великого исхода» Ю. Любимов — все они там.

— Плюс к тому же исход много порядка — «исход идей»?

— Согласен. Парадоксальный Гинкас, завораживающий Некрошус, непредсказуемый Додин, скандальный Витюк обрели западного зрителя. И это прекрасно, что талантливые режиссеры перешли на валютное самофинансирование и ставят по контрактам за рубежом. Одно грустно — мы этих спектаклей уже никогда не увидим. А ведь это экспорт чисто русских идей. Потому что, как правило, берется заграничная для Запада русская классика. После трагического ухода целых Атлантид режиссуры — Эфроса, Товстоногова — театральная карта приобрела невосполнимые эстетические лакуны. (Я думаю, в эпоху гласности и суперсвободы Эфрос все равно бы ставил классику). И что, может быть, еще страшнее, замерла теоретическая мысль. Режиссерское самосознание осталось без переводчиков — не издаются книги, умирает методология...

— Но существует же, скажем, театральная школа А. Васильева?

— Васильева я считаю Хлебниковой нашей режиссуры. Сама «Келья» Васильева (подвал на ул. Воровского) — уникальный театральный эксперимент. Правда, иногда начинает казаться, что выйти из нее он уже никогда не сможет. Выйти из подвала — это ослепнуть: так теряет зрение крот при дневном свете.

— А что огорчает вас в современной режиссуре?

— Режиссура наскока, характерная для многочисленных студий и хозрасчетных театральных организаций. У них одна сверхзадача — выжить. Но постоянная борьба в условиях естественного рыночного отбора вымывает слой собственно искусства и уничтожает хрупкую атмосферу театрального чуда, оставляя черные дыры. Одно утешает: театр в отличие от кино в эпоху первоначального накопления капитала не дает скорым на руку возможности отмыться деньги.

— Вам кажется, что в государственных театрах атмосфера «чужда» сохранилась?

— Почти нет. Если быть откровенным, то надо признать, что на сегодняшний день труппы сплывают только зарубежные гастроли. И это ужасно, когда единственным критерием искусства становится положение — «выездной» спектакль или «невыездной». Трудно начинать работу, когда видишь этот немой (а иногда и явный) вопрос в актерских глазах. Хотя винить в этой ситуации никого нельзя. Это было бы ханжеством.

— Но ведь есть преуспевающие театры в столице, куда актеры мечтают устроиться?

— Конечно. Но даже корифеи московских театров, подлинники мастера режиссуры — В. Плучек, Г. Волчек, А. Гончаров на данный момент полностью ангажированы ситуацией сохранения любой ценой стабильности своих метрополий. И только блистательный Марк Захаров — Фигаро режиссерского цеха — успевал заседать в парламенте, президентствовать в ассоциации режиссеров, представлять за рубежом, иронизировать с голубого экрана, выпускать шумные аншлаговые спектакли, писать статьи и издавать книги. И это, по большому счету, оставляет какую-то надежду. Еще очень надеюсь на методологические открытия А. Васильева, зафиксированные на бумаге. Наверное, уже не важно, сколько спектаклей поставит Мастер. Уже есть Школа Васильева. Его учеников трудно спутать с кем-либо, хотя легко перепутать между собой (обратная сторона медали). Пусть Мастер пишет, и это останется.

Может быть, только так и надо жить. Вернее, разрешить себе жить только для Вечности. А?